

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ НА УРАЛЕ В 1920-е гг.: К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ УРАЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Коллизии взаимоотношений интеллигенции и власти являются одним из самых неоднозначных и острых сюжетов отечественной истории. Особенный драматизм они приобрели в советский период, когда власть пыталась вписать интеллигенцию в «прокрустово ложе» «прослойки» советского общества. В этом отношении 1920-е гг. — особенный этап, поскольку именно это десятилетие стало «полигоном» экспериментов, когда утвердившаяся советская власть искала способы воспитания «социалистической» интеллигенции, «которая сознательно направляет свою деятельность на служение коренным интересам рабочего класса, руководствуясь идеями марксизма-ленинизма»¹.

Специфика взаимоотношений интеллигенции Урала и власти в 1920-е гг. определялась как общими факторами (культурная революция, переход от «военного коммунизма» к нэпу, посленэповский «большой перелом», чистки технической интеллигенции 1928—1931 гг. и т. д.), так и сугубо региональными. Так, после окончания Гражданской войны встал вопрос восстановления заводов, строительства системы высшего образования. Происходившие процессы отличались многоплановостью и сопровождались выработкой разных моделей взаимоотношений интеллигенции и власти.

Конечно, эта тема вызывала (и вызывает) пристальное внимание исследователей. По мере накопления исследований предпринимались попытки их историографического анализа. Первые работы по данному направлению были сделаны Л. М. Зак и М. Е. Главацким в конце 1960-х гг.² Исследования по региональной историографии появляются лишь в середине 1970-х гг.³ В конце 1980-х гг. М. Е. Главацкий выпускает учебное пособие «Историография формирования интеллигенции в СССР в переходный период». Его ценность в том, что оно стало первым и последним монографическим исследованием по советской историографии интеллигенции 1920-х гг. Однако в нем рассматривается общая историография, вклад региональных исследователей ограничивается лишь знаковыми работами.

Особенностью историографических исследований, появившихся со второй половины 1990-х гг., стало то, что большинство из них рассматривало исключительно современную историографию истории интеллигенции⁴. Переосмысления советской исторической литературы по теме «Интеллигенция и власть» не про-

---

НИКИТИНА АННА ОЛЕГОВНА — ассистент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

© Никитина А. О., 2007

изошло. По большому счету историографический сюжет приобрел «проходной» характер и стал использоваться в исследованиях с узкоутилитарной целью: доказать малоизученность (или неизученность) того или иного аспекта истории отечественной интеллигенции. И задачей новых историографических исследований должно стать преодоление фрагментарности в изучении накопленных знаний по истории интеллигенции в 1920-е гг.

Первый шаг в решении указанной задачи — это разработка периодизации историографии изучения проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти на Урале в 1920-е гг. с выделением качественно отличающихся друг от друга этапов. Согласно утвердившемуся сегодня в историографии подходу изучение любой проблемы разбивается на два этапа: советский и постсоветский. Границей выступает начало 1990-х гг., когда произошедшая «методологическая революция» позволила исследователям перейти от моноконцептуальности (формационный подход, классовая теория) в оценке исторических явлений к мультиконцептуальности. Так, для определения понятия интеллигенции и оценки ее исторического пути исследователи начинают активно привлекать цивилизационный, культурологические подходы, теорию модернизации, методы социальной истории, исторической антропологии. Таким образом, принципиальным параметром при разделении данных периодов выступает именно методологический показатель.

В связи с этим ряд современных отечественных историографов считают, что более дробное деление советского периода неуместно, поскольку его отличительной характеристикой и «цементирующим» элементом является господство одной, монополярной, марксистско-ленинской схемы в оценке исторических процессов, т. е. в 1920—1980-е гг. не происходит смены методологии, а без этого невозможно качественное изменение исследований. В частности, такой точки зрения придерживается В. Д. Камынин.

Данный подход обоснован, но внутренняя неоднородность советского периода (развитие источниковой базы, исследовательская активность, изменения в организации исследований и их проблематике) требует введения определенных подэтапов. Сегодня можно выделить три основных варианта периодизации. Но следует отметить, что в современной историографии интеллигенции, как указывалось выше, вопросу периодизации не уделялось пристального внимания. Как правило, за основу брался и берется один из вариантов, предложенный еще в 1980-е гг. Так, первый вариант делит историографию изучения вопроса взаимоотношений интеллигенции и власти в 1920-е гг. на три периода: 1917 г. — вторая половина 1930-х гг.; конец 1930-х — конец 1950-х гг.; 1960-е — 1980-е гг.⁵ Здесь в основу положены главным образом два параметра: интенсивность исследований и набор рассматриваемых тем. Пересмотреть данный подход предложил М. Е. Главацкий. Он укрупнил периоды: 1920-е — первая половина 1950-х гг.; вторая половина 1950-х — 1980-е гг. В качестве «водораздела» выступил XX съезд КПСС (1956), на котором была предложена «новая» концепция советской истории. Таким образом, на первый план

вышел методологический момент, именно он стал первичным по отношению к исследовательской активности по вопросу взаимоотношений интеллигенции и власти в 1920-е гг.

В конце 1990-х гг. некий «синкретический» вариант выдвинул А. И. Делицой. Так, он предложил отдельно рассматривать 1920-е гг., далее — конец 1920-х — 1950-е гг., а третьим этапом считать 1960—1980-е гг.⁶ В основу такого деления легла смена господствующей на тот момент концепции оценки проблемы «Интеллигенция и власть в 1920-е гг.». Если для 1920-х гг. было характерно многообразие подходов, дискуссионность, то на втором этапе утверждается жесткая схема политического размежевания интеллигенции в зависимости от ее квалификации — «сталинская» концепция. И как раз ее прорыв приходится на 1960-е гг., когда С. А. Федюкин заявил, что политический водораздел проходил не между профессиональными группами интеллигенции, а внутри них⁷.

Основным недостатком всех приведенных периодизаций является то, что они ориентированы главным образом на специфику изучения проблемы на общероссийском, а не на региональном уровне. Поэтому говорить здесь о периодизации собственно уральской историографии не приходится. Безусловно, связь общероссийских и региональных исследований по проблеме «Взаимоотношение интеллигенции и власти в 1920-е гг.» явно присутствует, но они, как показывает анализ литературы, не совпадают по пикам исследовательской активности и рассматриваемым вопросам.

В связи с этим оптимальной представляется следующая периодизация изучения рассматриваемого вопроса в рамках советского периода: начало 1920-х — 1950-е гг.; 1960—1980-е гг. При таком варианте учитываются следующие ключевые параметры: изменения в концептуальных оценках явлений, введение в оборот новых комплексов исторических источников, расширение и углубление проблематики, интенсивность региональных исследований, изменения в их организации. Соотнесение с этими критериями позволяет увидеть и целостность каждого этапа, и уникальность его вклада для изучения взаимоотношений интеллигенции и власти на Урале в 1920-е гг.

Так первый этап условно можно назвать «иллюстративным», поскольку интерес уральских исследователей к проблеме взаимоотношений интеллигенции и власти на Урале носил достаточно эпизодический, несистемный и непроблемный характер. Ряд общих статей, посвященных высшей школе и ИТР, вышел в 1920-е гг. в «Уральском коммунисте»⁸, «Уральском рабочем». В 1930-е гг., когда прекращаются дискуссии в центре, утверждается сталинская концепция интеллигенции, региональные исследования полностью становятся иллюстративными. В основном выходят юбилейные труды⁹. Лишь в конце 1950-х гг. появляются статьи, в которых теме уделено большее внимание¹⁰. Таким образом, на первом этапе шло фактографическое накопление материала в рамках имеющихся у исследователей возможностей. Причем основной акцент делался на техническую и вузовскую интеллигенцию. Необходимо отметить, что на этом этапе в качестве объекта

историографического исследования по проблеме выступает значительный круг общих работ: по истории развития системы высшего образования, промышленности, культурной революции, истории партийных организаций и органов власти. В них история интеллигенции отображена опосредованно, но на первом этапе в условиях отсутствия ярко выраженного исследовательского интереса их ценность резко возрастает.

С начала 1960-х гг. ситуация существенно меняется в связи со смягчением официальной исторической концепции. Стремление С. А. Федюкина отойти от догм 1930—1950-х гг. активно подхватывают уральские исследователи: работы приобретают «проблемный» характер и собственное неповторимое «лицо». В это время можно говорить о формировании уральской школы по изучению интеллигенции, в центре внимания которой оказалась техническая и вузовская интеллигенция Урала.

Отличительной особенностью второго этапа является появление ряда комплексных развернутых исследований по проблеме взаимоотношений интеллигенции и власти на Урале в 1920-е гг., в которых рассматривались вопросы «выдвиженчества», феномен «спецедействия», специфика участия партийных организаций в формировании «советской интеллигенции», а также ставился вопрос об участии «старых специалистов» в развитии уральской промышленности. Значительное внимание в работах уделено количественному измерению процессов. Так, М. Е. Главацкий на основе цифровых данных показал высокую степень участия старых кадров в техническом руководстве промышленностью региона в 20-е гг. XX в., определил динамику численности и состава технической интеллигенции в середине 1920-х — 1930-х гг.¹¹

Особое место в исследованиях заняло выделение собственно региональной специфики в эволюции взаимоотношений интеллигенции и власти в 1920-е гг., была преодолена «описательность» предыдущего этапа. В частности, М. И. Кондрашева, проследив процесс руководства технической интеллигенцией Урала со стороны местных парторганизаций в 1920—1930-е гг., сделала вывод о наличии на Урале более сильных, чем в целом по стране, «спецедейских настроений»¹². В. П. Полев обосновал вывод о более медленной «советизации» технической интеллигенции региона по сравнению с врачами, учителями и т. д.¹³ Т. Г. Усольцева выявила степень вовлеченности ИТР Урала в массовые идеологические кампании конца 20-х — начала 30-х гг.¹⁴

В 60—80-е гг. XX в. значительное внимание историки Урала стали уделять и профессиональному аспекту отношений ИТР и власти в 20—30-е гг. Г. П. Матушкин проследил участие специалистов региона в создании проектов Урало-Кузбасса¹⁵. В. С. Голубцов и М. Н. Кондрашева раскрыли роль ИТР Урала в деле восстановления народного хозяйства в первой половине 20-х гг.¹⁶

Таким образом, в 1960—1980-е гг. на региональном уровне был сделан значительный шаг вперед в изучении взаимоотношений интеллигенции и власти на Урале в 1920-е гг. Однако существенным ограничивающим моментом оставались дей-

ствующая марксистско-ленинская идеология и официальная концепция государственной политики в отношении интеллигенции.

В рамках постсоветского периода (с начала 1990-х гг. до настоящего времени) выделение подэтапов нецелесообразно: внутри периода не происходило существенных качественных «скачков», а итоговые работы стали появляться лишь в начале 2000-х гг. Как указывалось выше, в начале 1990-х произошел переход на мультиконцептуальную основу изучения истории интеллигенции. В 1990-е гг. исследования приобрели выраженную междисциплинарную основу, что отразило и характер новой области знания — интеллигентоведения. Именно в рамках интеллигентоведения стало активно развиваться направление по исследованию «провинциальной интеллигенции».

Ключевым моментом второго этапа развития уральской историографии стало создание в 1994 г. в Екатеринбурге по инициативе М. Е. Главацкого центра «XX век в судьбах интеллигенции России». Уральский центр, изначально сфокусированный на истории интеллигенции XX в. и историографическом аспекте, с 1994 г. провел более 10 научно-практических конференций и круглых столов. Если на первых конференциях общий тон задавали «черно-белые» темы, в рамках которых рассматривалась лишь линия отношений советской власти к интеллигенции с констатацией дискриминационного и репрессивного характера политики властей по отношению к последней, то с конца 1990-х гг. тональность и постановка вопросов переходят в другую плоскость. Так, исследователи, включая интеллигенцию в контекст общесовременных процессов, начинают рассматривать посреднические функции интеллигенции в социально-политических конфликтах, а также опыт «хождения во власть», оппозиционность интеллигенции политическим режимам, поведенческие стратегии интеллигенции в переломные эпохи.

Определенной вехой стал выпуск под эгидой центра в 2002 г. энциклопедического словаря «История интеллигенции России в биографиях ее исследователей», содержащего 150 кратких биографий ученых-интеллигентоведов.

С подачи центра появилось новое направление в исследовании проблемы «Интеллигенция Урала и власть» — выявление качественного, «штучного» вклада в культуру отдельных представителей и групп интеллигенции. В частности, в 1993 г. вышел сборник «Научно-техническая интеллигенция Урала в 20—30-е гг.: дела и судьбы».

Несмотря на расширение проблематики исследований, введение в научный оборот новых исторических источников, на современном этапе так и не появилось комплексных трудов по рассматриваемому вопросу. Выходящие тезисы исследований и докладов позволяют лишь заявить проблему и часто оставляют за скобками ее решение. На настоящий момент большинство исследований посвящено проблеме взаимоотношений технической интеллигенции и власти Урала: логике поведения государственной власти и изменению позиций интеллигенции по отношению к власти, проанализированы механизмы принятия решений. В меньшей степени исследователи обращались к изучению научной интеллигенции, уде-

ляя главным образом внимание исключительно вузовской интеллигенции. Также только со второй половины 1990-х гг. исследователи стали переключаться с анализа моделей «поведения» власти на анализ шагов, предпринимаемых интеллигенцией в отношении власти. Во многом именно неравномерность изученности различных аспектов взаимоотношений интеллигенции Урала и власти в 1920-е гг. сдерживает появление обобщающих работ по данной теме.

---

¹ См.: Волков В. С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР. Л., 1975. С. 6

² См.: Главацкий М. Е. Советская историческая литература о формировании производственно-технической интеллигенции // Культурная революция в СССР, 1917—1965. М., 1967; Зак Л. М. Проблема формирования советской интеллигенции в современной исторической литературе // История СССР. 1968. № 2. С. 148—156; Зак Л. М. Вопросы культурного строительства в советской исторической литературе // Культурная революция в СССР, 1917—1965 гг. М., 1967. С. 393—423; Ермаков В. Т. К вопросу об освещении истории советской культуры в исторической литературе // Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск, 1974; Куманев В. А. Некоторые вопросы историографии культурной революции в СССР // Очерки по историографии советского общества. М., 1965.

³ См.: Главацкий М. Е. Вопросы формирования интеллигенции в советской историографии (с включением уральского материала) // Партийные организации Урала во главе хозяйственного и культурного строительства. Свердловск, 1974. С. 136—178; Кондрашева М. И., Главацкий М. Е. Проблемы формирования социалистической интеллигенции в трудах уральских историков // Историография социалистического строительства на Урале в переходный период (1917—1937). Свердловск, 1980. С. 119—130.

⁴ См.: Главацкий М. Е. История интеллигенции России как исследовательская проблема: Историографические этюды. Екатеринбург, 2003; Какоурова Н. А. Формирование юридической интеллигенции в Сибири в 20-е — начале 1930-х гг. Проблемы современной отечественной историографии // Сибир. юрид. вести. 2003. № 2; Корупаев А. Е. Российская интеллигенция. Историография рубежа 80—90-х годов XX века. М., 1994; Соскин В. Л. Современная историография советской интеллигенции России: Метод. рекомендации к курсам «История отечественной интеллигенции» и «Отечественная история». Новосибирск, 1996.

⁵ См.: Главацкий М. Е. Историография формирования интеллигенции в СССР в переходный период: Учеб. пособие. Свердловск, 1987. С. 5.

⁶ См.: Делицой А. И. Инженерно-технические кадры и власть на Урале в конце 1917—1931 гг.: проблема взаимоотношений: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. С. 3

⁷ См.: Федюкин С. А. Советская власть и буржуазные специалисты. М., 1965. С. 26.

⁸ См.: Уралов Н. К очередному приему в вузы // Уральский коммунист. 1923. № 7. С. 4—5; Романовский Д. К открытию коммунистического университета // Уральский коммунист. 1923. № 17—18. С. 40—44; и др.

⁹ См.: Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939; Сто лет горнотехнической школы на Урале. Свердловск, 1948.

¹⁰ См.: Ниренбург Я. Л. Мобилизация промышленности и транспорта на помощь фронту // Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1989; Плеханов М. Е. Массовое движение рабочих и ИТР Урала за овладение техникой (1931—1932) // Тр. Урал. электромех. ин-та инженеров ж.-д. транспорта. Свердловск, 1959. Вып. 1.

¹¹ См.: Главацкий М. Е. КПСС и формирование технической интеллигенции на Урале (1926—1937 гг.). Свердловск, 1974.

¹² См.: Кондрашева М. И. Руководство уральской партийной организации формированием кадров технической интеллигенции (1921—1925 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск,

1972; *Она же*. Коммунистическая партия — организатор формирования социалистической интеллигенции на Урале в 1917—1927 годах. Иркутск, 1985. С. 63.

¹³ См.: *Полев В. П.* Борьба партийных организаций Урала за перевоспитание старой интеллигенции (1919—1927 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1975.

¹⁴ См.: *Усольцева Т. Г.* Деятельность уральской парторганизации по подготовке и воспитанию инженерно-технических кадров в годы первой пятилетки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1967.

¹⁵ См.: *Матушкин П. Г.* Урало-Кузбасс. Челябинск, 1966.

¹⁶ См.: *Голубцов В. С.* Черная металлургия Урала в первые годы Советской власти (1917—1923). М., 1975.

Материал поступил в редакцию 27.11.2006 г.